

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК I

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

Под редакцией
АКАДЕМИКА В. В. СТРУВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Б. А. Вальская

БОРЬБА Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ ЗА ПРАВА ПАПУАСОВ БЕРЕГА МАКЛЯ

Великий русский путешественник и гуманист Николай Николаевич Миклухо-Маклай свыше пятнадцати лет своей короткой жизни вел борьбу за человеческие права папуасов Берега Маклая на Новой Гвинее.

Мировоззрение Миклухо-Маклая формировалось в тот период, когда в России происходил подъем революционного движения, вызванный протестом народных масс против крепостнической крестьянской реформы 1861 г.

За участие в студенческой сходке Миклухо-Маклай был исключен из С.-Петербургского университета и вынужден поехать учиться за границу. Находясь вдали от родины, Миклухо-Маклай внимательно следил за событиями в России. В 1864 г., будучи в Германии, он узнал из письма матери об акте гражданской казни Н. Г. Чернышевского и ссылке его в Сибирь. Миклухо-Маклай попросил прислать ему портрет Чернышевского, с которого сделал карандашный набросок. В библиотеке Николая Николаевича имелся роман Чернышевского «Что делать?», а в архиве путешественника сохранились выписки из него, а также из произведений социалиста-утописта Сен-Симона.

В 1865 г. Миклухо-Маклай писал: «Я всегда испытываю большую симпатию к бедным и тем, кто находится в плохих политических и социальных условиях; у меня большая симпатия к бедным и бесправным, чем к богатым и полноправным»¹.

Еще в 1871 г., во время первого путешествия на Новую Гвинею, Миклухо-Маклай наблюдал на некоторых островах Тихого океана процесс насильственного обезземеливания коренных жителей и превращения их в рабов. Пребывание же в северо-восточной части Новой Гвинеи, посещение Явы, Филиппинских островов и некоторых других дало путешественнику возможность изучить условия жизни коренного населения и оценить ту угрозу, которую представляли для него империалистические государства, заканчивавшие раздел мира и жадно расхватывавшие еще не поделенные территории.

В 1874 г. Миклухо-Маклай посетил западный берег Новой Гвинеи (Папуа-Ковийай); здесь он стал свидетелем постоянных войн, грабежей и похищения людей вооруженными экспедициями. Миклухо-Маклай в

¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо неизвестной, 7 января 1865 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 13.

особом меморандуме поставил перед губернатором Нидерландской Индии вопрос о создании «маленького европейского поселения, достаточно сильного для того, чтобы поддерживать справедливость и наказывать виновных»². Русский путешественник хотел сам поселиться в этой части Новой Гвинеи, основать колонию и «побудить туземцев переменить образ жизни и взаимные отношения между племенами, последствием чего было бы прекращение частых войн, прекращение похищения и торговыми людьми»³. Миклухо-Маклай наивно полагал, что своим обращением он сможет улучшить положение населения Папуа-Ковиай. Но голландское правительство отклонило предложение русского путешественника.

В октябре 1875 г. в связи с намерением Англии занять восточную половину Новой Гвинеи, в том числе и Берег Маклая, Николай Николаевич в письме в Русское Географическое общество писал, что он не может «остаться спокойным зрителем этой аннексии», так как обещал помочь папуасам, если им будет угрожать европейская колонизация. В этом письме он впервые ставит вопрос о том, чтобы Россия оказала покровительство папуасам Берега Маклая и чтобы его протест был поддержан русским правительством⁴.

При этом Миклухо-Маклай имел в виду, что русское правительство установит протекторат над частью Новой Гвинеи и папуасы через его посредство подчинятся «некоторым международным обязательствам», а в случае насилия со стороны европейских колонизаторов будут иметь в лице России «законного могущественного покровителя».

Только в январе 1878 г. путешественник узнал, что его предложение было отвергнуто. Возражая против отрицательного ответа «высшей инстанции» по мотивам «отдаленности страны и отсутствия в ней связи с русскими интересами», Николай Николаевич писал, «что „отдаленных“ стран уже теперь почти не существует, а тем более в будущем; что, кроме *русских*, есть еще общечеловеческие интересы, которые по своей значительности только в исключительных случаях под силу одиноким личностям и которые должны становиться делом просвещенных и гуманных правительств»⁵.

Следует отметить, что отказ «высшей инстанции» не был полной неожиданностью для путешественника, который еще раньше твердо решил «*один и без ничьей помощи*»⁶ защитить своих черных друзей в случае вторжения европейских колонизаторов. Об этом Миклухо-Маклай писал в 1876 г. в своем знаменитом письме (А. А. Мещерскому), отрывок из которого просил опубликовать в газете «Голсс» и «Известиях Русского географического общества». К сожалению, письмо путешественника тогда не было опубликовано.

В июне 1876 г. Миклухо-Маклай во второй раз посетил Берег Маклая с целью «не допустить, насколько оудет возможно, чтобы столкновение европейской колонизации с черным населением имело бы *слишком гибельные* последствия для последних (как, например, это случилось в

² Н. Н. Миклухо-Маклай, *О политическом и социальном положении папуасов берега Папуа-Ковиай на юго-западном побережье Новой Гвинеи* (Собрание сочинений, т. III, ч. 1, М.—Л., 1951), стр. 205.

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо секретарю Русского Географического общества. 10 ноября 1874 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 109.

⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо П. П. Семенову [16] 28 октября 1875 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 122—123.

⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо П. П. Семенову. 29 января 1878 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 152—153.—Здесь и в других высказываниях Миклухо-Маклая подчеркнуто им самим.

⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо А. А. Мещерскому. 17 марта 1878 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 132.

Тасмании, продолжается в Австралии и будет, вероятно, на островах Фиджи)».

«Я надеюсь, — писал он, — что общественное мнение *всех честных и справедливых* людей будет для моего дела достаточным *покровительством и охраною* против *бесправных* притязаний правительств и против *несправедливых и насильственных* поступков разных европейских эксплуататоров и искателей обогащения и личных выгод всеми средствами и путями»⁷. Для сохранения независимости Берега Маклая Николай Николаевич решил организовать Папуасский союз.

В ноябре 1877 г. Миклухо-Маклай покинул Новую Гвинею. Перед отъездом он собрал папуасов (от каждой деревни самого старого и самого молодого) и предупредил их о грозящей опасности в случае прибытия на остров европейских колонизаторов и работорговцев. Николай Николаевич рассказал им о губительной силе огнестрельного оружия и советовал «при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы».

Из Новой Гвинеи путешественник направился в Сингапур, где тяжело заболел. Вернувшись по совету врачей в августе 1878 г. в Сидней, Миклухо-Маклай узнал, что австралийцы хотят захватить часть Новой Гвинеи. Берег Маклая опять был в опасности.

В январе 1879 г. Миклухо-Маклай послал открытое письмо Артуру Гордону — губернатору Фиджи и британскому комиссару западной части Тихого океана. Он обращал внимание Гордона на «опасность, которая угрожает уничтожить навсегда благополучие тысяч людей, не совершивших иного преступления, кроме принадлежности к другой расе, чем наша, и своей слабости». «Когда я высадился в Новой Гвинее в 1871 г. для научных изысканий, — писал далее Миклухо-Маклай, — сперва обстоятельства, а затем желание изучить первобытную расу поставили меня в очень близкие отношения с туземцами северо-восточной Новой Гвинеи, где я высадился. Посредством терпения и очень дружественного и справедливого отношения я добился полного доверия туземцев, которые в течение ряда месяцев обходились со мной далеко не ласково. Овладение языком папуасов дало мне возможность изучить их нравы и обычаи. Прожив около трех лет среди этих людей, я имел время судить об их характере и способностях и принимаю серьезное и незаинтересованное участие в их судьбе, особенно предвидя, что нашествие белой расы в Новую Гвинею может легко и почти наверное привести к ряду весьма печальных катастроф.

Я думаю, однако, что много возмутительных несправедливостей, совершенных сильными над слабыми, могли бы быть предупреждены, если бы правительства цивилизованных народов, не презрев дела справедливости, подтверждали и заставляли увидеть самые простейшие основы права человека и международного права».

С полным знанием фактов путешественник доводил до сведения Гордона, что жители Берега Маклая, «будучи земледельческим и многочисленным народом (около 15—20 тысяч человек по меньшей мере), тесно связаны с землей, которую они обрабатывают... Нашествие чужеземцев, которые пожелают захватить землю, уже занятую и обрабатываемую в течение веков, поставит жителей побережья между оружием белых и обитателями гор, которые не захотят уступить свою землю. Убийства и войны без конца будут иметь место»⁸.

⁷ Там же, стр. 133.

⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Открытое письмо Артуру Гордону. 23 января 1879 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 176—177.

На основании изложенного Миклухо-Маклай просил Гордона, чтобы английское правительство: «1) признало полное право туземцев Новой Гвинеи (Берега Маклая) на их землю; 2) запретило или сделало невозможным... ввоз и продажу туземцам спиртных напитков, оружия и пороха»⁹. Позднее Миклухо-Маклаю по поводу его письма Артуру Гордону «не раз приходила на ум мысль», что его «увещания пощадить „во имя справедливости и человеколюбия“ папуасов походят на просьбу, обращенную к акулам не быть такими прожорливыми!»¹⁰

8 апреля 1881 г. Николай Николаевич послал коммодору австралийской морской станции свой протест по поводу вывоза рабов из Новой Гвинеи в Новую Каледонию, Фиджи, Самоа и Квинсленд. Миклухо-Маклай считал необходимым добиться международного соглашения против шкиперов и торговцев, которые, плавая под британским флагом у новогвинейских берегов, занимаются похищением людей, работорговлей и убийствами.

«...Благодаря моему положению, — писал он, — беспристрастного зрителя в Океании в течение почти одиннадцати лет, всегда ищущего истину и видящего вещи в их собственном свете, без предубеждения против расы, профессии или рода работы, я пишу эти замечания, выполняя долг по отношению к человечеству...»¹¹

13 апреля 1881 г. русский путешественник написал свое второе письмо Артуру Гордону в связи с выдвинутым газетой «Литтлтон таймс» планом поселения на Берегу Маклая. Он вновь напомнил Гордону о бесспорных правах туземцев на землю, о том, что «общее согласие на продажу земли чужеземцам мало вероятно», и вообще «туземцы не имеют представления об абсолютном отказе от своей земли...» «Будет ли справедливым делом со стороны так называемого цивилизованного народа умышленно выманывать у своих простодушных ближних ценное имущество за несколько бутылок рома, старых гвоздей и „торговых“ топоров?»¹²

Николай Николаевич настойчиво повторял свою просьбу, изложенную 23 января 1881 г., об уважении прав туземцев на землю и недопущении ввоза спиртных напитков.

В сентябре 1882 г., после неоднократных и безуспешных попыток побудить британское правительство предотвратить ликвидацию самостоятельности Берега Маклая и уничтожить рабство и людокрадство на островах Тихого океана, Миклухо-Маклай вернулся в Россию.

Вскоре, уже в Петербурге, он получил письмо от крестьянина села Могрино Новгородской губернии Ивана Александровича Киселева, которое заставило путешественника глубоко задуматься, но уже не о народах Океании, судьба которых его так волновала, а о положении русского крестьянства.

Киселев писал о своих «непреодолимых стремлениях» к переселению, «хотя бы на необитаемые острова Океании», потому что «бедняк везде находит один лишь ад на земле». «Настоящие экономические и финансовые условия большинства государств... — писал он, — не регулируют народное благосостояние, а, напротив, скорее способствуют к обогащению уже капитальных единиц и к обеднению тысяч людей...»

⁹ Там же, стр. 178.

¹⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Пребывание в Сиднее (от августа 1878 г. по март 1879 г.)* (Собрание сочинений, т. II, М.—Л., 1950), стр. 443.

¹¹ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Коммодору австралийской морской станции. 8 апреля 1881 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 194.

¹² Н. Н. Миклухо-Маклай, *Письмо Артуру Гордону. 13 апреля 1881 г.* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 194—195.

«Чем более и глубже вдумываешься да всматриваешься к хитропридуманным условиям европейской жизни, тем более разочаровываешься, видя, что массы бед[яков] существуют для единиц...» Далее Киселев пишет о «невыносимом нравственном давлении» на бедняков, которое существовало в России. «Ни покровительства закона, ни уважения к личности бедняка, ни к его честному труду — ничего подобного не существует...» И он приходит к выводу, что «для бедных, но честных и мыслящих тружеников, желающих устроить жизнь на новых началах, без золотого кумира, самое лучшее средство... — переселение, хотя бы на необитаемые, но производительные острова Океании, где бы, прилагая тот же труд, что и в пресловутой Европе, возможно было сыто, приятно и независимо существовать...»¹³

После этого письма у Николая Николаевича еще больше окрепла мысль об организации на островах Тихого океана русской колонии, в которой на демократической основе, без помещиков и капиталистов, соединились бы интересы переселенцев и туземцев.

Но трагедия Миклухо-Маклая состояла в том, что он был утопистом и верил, что создание такой колонии можно было осуществить в условиях капиталистического строя и даже с помощью русского царя Александра III.

В ноябре 1882 г. Миклухо-Маклай был в Гатчине, в резиденции Александра III, и имел с ним беседу. После этого он несколько раз встречался с управляющим морским министерством И. А. Шестаковым. Миклухо-Маклаю удалось убедить Александра III и Шестакова отправить на Берег Маклая русскую эскадру.

6 ноября 1882 г. Шестаков записал в своем дневнике: «Сговорившись с Маклаем, велел написать корвету „Скобелеву“ идти в Сидней и быть там в исходе марта, взять Маклая, идти с ним на Адмиралтейские острова, в бухту Астролябия и на острова Пелью, где встретиться с „Африкою“, передать ей Маклая, а сам пойдет в Копытову. „Африке“ быть в марте на Пелью, взять там Маклая, осмотреть острова Пелью, Адмиралтейства и Берег Маклая и, высадив самого путешественника в Торессовом проливе, следовать в Россию»¹⁴.

В ноябре 1882 г. Миклухо-Маклай выехал из Петербурга. На пути в страны Тихого океана он посетил Европу. 27 декабря в Париже Николай Николаевич встретился с И. С. Тургеневым. В своих воспоминаниях путешественник пишет, что Тургенев «был по обыкновению добр и радушен, расспрашивал о моих путешествиях и планах на будущее...»¹⁵

По просьбе Миклухо-Маклая Тургенев написал П. Л. Лаврову письмо, в котором просил доставить Николаю Николаевичу брошюры, «написанные бывшими сосланными в Новую Каледонию коммунарами, о жизни их там и перенесенных ими там страданиях»¹⁶.

10 февраля 1883 г. русский путешественник на пути в Сидней заехал на голландском пароходе в Батавию и неожиданно встретил на рейде русский корабль «Скобелев», на котором находился командующий отрядом русских судов Тихого океана контр-адмирал Н. В. Копытов. 12 февраля 1883 г. «Скобелев» отправился к Берегу Маклая. Копытов был очень доволен встречей с Николаем Николаевичем, так как теперь кор-

¹³ ААН, ф. 143, оп. 1, № 21, лл. 11—13.

¹⁴ ЦГАВМФ, ф. 26, оп. 1, № 2, л. 6.

¹⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, *Воспоминания о Тургеневе* (Собрание сочинений, т. IV, М.—Л., 1953), стр. 421.

¹⁶ И. С. Тургенев, *Письмо П. Л. Лаврову, 27 декабря 1882 г.* (Собрание сочинений, т. XII, М., 1958), стр. 576.

вет, не заходя в Сидней, мог следовать на Берег Маклая прямо из Батавии.

Копытов высоко ценил знания и опыт великого русского путешественника. Он считал полезным опубликовать отдельной брошюрой письма Миклухо-Маклая об островах Тихого океана, напечатанные в «Известиях Русского Географического общества», и «выдавать на суда, плавающие в Тихом океане, так как у нас сведений о них почти нет».

«Мне в то же время особенно приятно, — писал Копытов, — встретиться со столь знаменитым и просвещенным русским путешественником и провести некоторое время в обществе столь интересного современного лица как г. Миклухо-Маклай.

Несомненно, что его возвышенная предприимчивость возбудит многих последователей в среде наших ученых и такого рода путешествия не будут составлять в будущем случаев исключительных»¹⁷.

5 марта 1883 г. корвет «Скобелев» был уже в бухте Астролябия на Новой Гвинее. «Жители, — писал Копытов, — насколько умели, старались быть приветливы и по-видимому были довольны посещением корвета. При мне в деревне им были розданы г. Миклухо-Маклаем подарки предметов, купленных по моему распоряжению в Гонконге и Макассаре, доставившие им видимое удовольствие. Для водворения дружественных сношений и для разведения у них полезных домашних животных, по просьбе г. Миклухо-Маклая, я, как уже выше упоминал, разрешил купить в Амбонне быка, корову, козла и двух коз. Эти животные им ранее не были известны, и по свODE их на берег они перепугали жителей, так что нашим матросам пришлось самим привести их на место в деревню. Г-н Маклай объяснил папуасам уход за ними»¹⁸.

7 марта корвет вошел в гавань Алексея. Острова, расположенные вокруг гавани (Архипелаг Довольных Людей), были нанесены на карту пунктиром, и неправильно. «Никакое европейское судно, — писал Копытов, — еще не посещало этих островов, и потому на другой день с рассветом было приступлено к их съемке и промеру рейда»¹⁹.

Во время третьего, очень короткого пребывания на Берегу Маклая, Николай Николаевич узнал от папуасов, что в его отсутствие берег посетили английские работорговцы. Они насильно вывезли папуасов в Австралию и на некоторые острова Тихого океана. Многие были убиты; деревни разрушены.

11 марта 1883 г. корвет взял курс к островам Адмиралтейства и достиг их 13 марта. От жителей этих островов, как писал Копытов, Миклухо-Маклай узнал, что за четыре месяца до его посещения здесь были американские и германские суда. Над местными жителями была устроена «эзекуция», в результате которой были сожжены две деревни и убито семь человек.

20 марта корвет «Скобелев» подошел к островам Пелау. Миклухо-Маклай посетил селение Малегиок на острове Бабельтуап. «Я нашел туземцев, — писал он, — очень любезными, и мой короткий визит их, по-видимому, очень обрадовал (я говорю про селение Малегиок)»²⁰.

Селение Малегиок тоже стало жертвой колонизаторов. Британский военный корабль «не только сжег и разрушил все дома в деревне Малегиок, — писал Миклухо-Маклай, — но и разграбил и увез их собственность (деньги), несколько ружей и больших сосудов, употребляемых для

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2187, л. 389.

¹⁸ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 25.

¹⁹ Там же, л. 12.

²⁰ Там же, л. 52.

варки трепанга, и т. д., за то что они не могли сразу уплатить тяжелую контрибуцию, *совершенно неправильно* наложенную на деревню Малегуок»²¹.

По просьбе тамоля (главного вождя) Раклая Миклухо-Маклай написал коммодору английской морской станции в Китае письмо, в котором просил во имя справедливости вернуть захваченную у жителей селения собственность. Это письмо было переслано командующему английским флотом Кенингу. Однако Кенинг в частном письме к русскому путешественнику признал свое полное бессилие в этом вопросе.

Известие о посещении Миклухо-Маклаем Новой Гвинеи послужило правительству австралийской провинции Квинсленд предлогом для объявления об аннексировании восточной половины Новой Гвинеи, включая и Берег Маклая.

20 апреля 1883 г. в английских газетах в Гонконге была опубликована телеграмма из Лондона о том, что провинция Квинсленд в Австралии аннексирует Новую Гвинею. Через два дня другая телеграмма извещала, что до получения денег от правительства Квинсленда британское правительство воздержится от занятия Новой Гвинеи и аннексия остается недействительной без санкции последнего.

В письме Копытову 3 мая 1883 г. Николай Николаевич писал, что «аннексация эта хотя мне и *неприятна*, но не изменит моих планов относительно Берега Маклая»²².

«В виду бесцеремонного захвата ос[трово]в Тихого океана Англиею, Германиею и Франциею, — писал Миклухо-Маклай в другом письме, — предвидя, что по прорытии Панамского канала значение ос[трово]в этих сильно возрастет, наконец, большого удобства иметь на Тихом океане *русский* порт (или несколько таковых), доступный во всякое время года, остается только пожелать, чтобы выбор одной из названных групп ос[трово]в скорее бы осуществился и чтобы посылка корвета «Скобелев» осталась бы не только для Англии, а также для России не без желаемых последствий»²³.

В июне 1883 г. Миклухо-Маклай вместе с членом лондонского общества миссионеров Д. Чалмерсом написал письмо статс-секретарю британских колоний лорду Дерби.

«Вследствие нашего долгого сношения с разными частями Новой Гвинеи и приобретенного нами знания туземцев, их языка, нравов и страны...: 1) мы знаем, что везде, где мы были, каждый дюйм земли около деревень принадлежит туземцам, которые живут в больших деревнях и обрабатывают землю в больших размерах. Мы, поэтому, надеемся, что право туземцев на их землю, а также их права на разные рифы близ берега, которые им принадлежат с незапамятных времен... до настоящего времени, будут полнейшим образом уважены и что эти права также и впоследствии не будут у них отняты.

2) Туземцы Новой Гвинеи очень привязаны к своей родине и не желают быть долго вдали от нее. Мы, поэтому, думаем, что если будет введена система вывоза рабочих из... Новой Гвинеи, то она окажется причиной множества недоразумений, беспорядков и кровопролитий. Мы вполне убеждены, что ни один туземец не захочет без принуждения, по собственной воле, покинуть свою родину на долгий срок, как того желают плантаторы. Существует, следовательно, опасность, что какая-либо система „приличного“ людокрадства... будет испробована, и потому

²¹ ААН, ф. 143, оп. 1, № 20.

²² ЦГАВМФ, ф. 12, оп. 2, № 26, л. 161.

²³ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 47—48.

мы просим... чтобы этот набор рабочих из Новой Гвинеи был совершенно воспрещен»²⁴.

Третьим пунктом Миклухо-Маклай и Чалмерс просили принять меры к запрещению ввоза на Новую Гвинею спиртных напитков из-за «демо-рализующего и уничтожающего человеческие расы» употребления их.

Направляя копию этого письма премьеру правительства Англии Вильяму Гладстону, Миклухо-Маклай подчеркивал, что оно послано «от имени... многих десятков тысяч людей, которых преступление состоит единственно в том, что они имеют кожу темного цвета, более слабы и не в состоянии (в настоящее время) отстаивать сами свои права»²⁵.

В конце октября 1883 г. в австралийской печати появилось сообщение о снаряжении американцем Мак-Ивером экспедиции для торговли с туземцами и колонизации окрестностей порта Константина на Берегу Маклая. В состав экспедиции должно было войти 400—500 акционеров-колонизаторов, и каждому по прибытии на Новую Гвинею была обещана тысяча акров земли.

Зная, что земли «в окрестностях порта Константина не будут уступлены туземцами Берега Маклая без насилия и кровопролития, я не мог, — писал Николай Николаевич, — оставаться равнодушным зрителем и сидеть сложа руки, наблюдая последствия вторжения непрошенных гостей на мой берег и не попытавшись сделать что-нибудь, чтобы экспедиция генерала Мак-Ивера не состоялась»²⁶.

27 октября 1883 г. Миклухо-Маклай послал лорду Дерби телеграмму следующего содержания: «Туземцы Берега Маклая требуют политической самостоятельности под европейским покровительством»²⁷. Этой телеграммой русский путешественник хотел предотвратить американскую агрессию против Берега Маклая. В письме к Дерби Миклухо-Маклай объяснил, что означала эта телеграмма. «...Я много раз, — писал он, — рассуждал с туземцами о возможности прибытия белых людей на этот берег; эта мысль наполняла туземцев страхом и опасениями, и они единогласно просили меня оградить их от такого вторжения. Я обещал им сделать с этой целью все, от меня зависящее, как только явится действительная необходимость в моей помощи»²⁸.

Николай Николаевич особо подчеркнул, что во время его посещения Берега Маклая в марте 1883 г. «туземцы были более, чем прежде, озабочены вопросом о своей безопасности, потому что они видели во время моего отсутствия несколько судов. Они снова повторяли свою просьбу защитить их, чтобы белые чужестранцы не отняли у них их земли и имущества и не похитили их детей»²⁹. В этом письме Миклухо-Маклай излагал желание коренных жителей Берега Маклая: «1. Чтобы в случае прибытия белых на этот берег или в случае, если протекторат будет дарован или будет решено присоединить к английским владениям, туземные установления, обычаи и порядки не были уничтожены и чтобы туземцы сохраняли свое самоуправление.

2. Чтобы земля осталась собственностью туземцев, т. е. не стала коронною собственностью... или собственностью правительства, которое дарует протекторат, или которое аннексирует этот берег»³⁰.

²⁴ Текст письма включен в ст.: Н. Н. Миклухо-Маклай, *Берег Маклая в Новой Гвинее и протекторат* (газ. «Новости и Биржевая газета», 1884, 22 мая).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Экспедиция Мак-Ивера на Берег Маклая не состоялась. В третий раз Берег Маклая «избег набега непрошенных гостей»³¹, — писал Миклухо-Маклай.

В конце ноября 1883 г. в Сиднее собралась конференция представителей всех австралийских колоний, которая подготовила проект «обширных приобретений в водах Тихого океана» для окончательного одобрения британским правительством. Конференция обсудила вопрос и об аннексии Новой Гвинеи, включая и Берег Маклая. Вскоре Великобритания официально провозгласила свой протекторат над юго-восточной частью Новой Гвинеи.

26 ноября 1883 г. Миклухо-Маклай, «побуждаемый идеею справедливости и любовью к отечеству», обратился с письмом к Александру III, в котором писал, что Россия тем более имеет некоторые права на острова в Тихом океане, что «многие из них были описаны в гидрографическом отношении русскими мореплавателями (Коцебу и Литке)»³².

Как раз в это время суворинское «Новое время» начало травлю путешественника, обвиняя его в том, что он, по сообщению австралийских газет, «берет сторону Англии относительно Новой Гвинеи», и упрекая за «недостаток патриотизма».

В передовой статье «Нового времени»³³ было написано следующее: «Наш известный путешественник Миклуха-Маклай ударился в политику. По сообщению лондонских газет, Миклуха-Маклай в качестве представителя папуасов Новой Гвинеи написал лорду Дерби письмо, в котором и просит от имени папуасов принять их под покровительство Англии...

...По сведениям „Daily news“, нашему „знаменитому путешественнику никогда не приходила в голову мысль поставить папуасов под покровительство или власть русского правительства“. Известно, какую тревогу возбудили в Австралии слухи о намерении Соединенных Штатов завладеть Новой Гвинеей. Австралийские колонии обратились к метрополии, т. е. к Англии, с просьбой разрешить им присвоить себе остров. Лондонское правительство отказало им в этой просьбе. Очевидно, оно не желало сходить с почвы правового порядка и считало нужным предварительно войти в правильные дипломатические сношения с папуасским правительством, с главарем или королем папуасов. Королем папуасским и оказался Миклуха-Маклай...»

В заключение передовая «Нового времени» подчеркивала, что «дело просто сводится к тому, что англичане воспользовались авторитетом, приобретенным Миклухой-Маклаем среди папуасов, как правовой фи-

³¹ Там же.

³² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 68.

³³ «Новое время», 1884, 7 января.

кцией для отражения притязания Соединенных Штатов на Новую Гвинею».

В упомянутой статье «Берег Маклая в Новой Гвинее и протекторат» Миклухо-Маклай отверг неосновательные и несправедливые нападки «Нового времени» и раскрыл истинную причину, которая побудила его обратиться с телеграммой к лорду Дерби. В заключение статьи он писал, что «Россия, обладая около 3000 милями береговой линии в Тихом океане, при заселении Восточной Сибири необходимо должна будет со временем занять *свое место* на Тихом океане, почему, надо надеяться, она заблаговременно позаботится о приобретении нескольких подходящих морских станций для своего флота на Тихом океане»³⁴.

21 сентября 1884 г. Николай Николаевич послал свое первое письмо министру иностранных дел Н. К. Гирсу с просьбой ответить ему, будут ли признаны русским правительством приобретенные им «с полного согласия туземцев и без малейшего обмана и насилия» участки земли на разных островах Тихого океана, не занятых еще другими европейскими державами. Он хотел знать, оградит ли русское правительство его права, «в случае, если английское правительство не захотело бы признать их, несмотря на русский флаг, который как русский *я подниму* в приобретенных мною местностях»³⁵.

Пока министерство иностранных дел готовило ответ на этот вопрос, Германия готовилась к захвату северо-восточной части Новой Гвинеи, включая и Берег Маклая. Для того чтобы замаскировать этот захват, в газетах за 1 октября 1884 г. было опубликовано сообщение о том, что Бисмарк «заключил соглашение с другими европейскими державами о защите всех незанятых территорий мира от британской агрессии».

Наивный в делах прожженных политиков и дипломатов, Миклухо-Маклай поверил в это сообщение и в тот же день обратился с письмом к Бисмарку в защиту населения островов Тихого океана. Он просил «*во имя справедливости и гуманности* склонить великие державы не только предохранить их от захвата англичанами, но и охранять *права* темнокожих туземцев островов Тихого океана, „как людей“, от бессовестной, несправедливой и зверской эксплуатации (похищение людей, рабство и т. п.) не только англичанами, но всеми белыми вообще.

Международное обязательство уважать права человека жителей Океании, — писал русский путешественник, — было бы, вероятно, самое правильное»³⁶.

Как и следовало ожидать, ответа на это письмо Николай Николаевич так и не получил. Зато он мог наблюдать усиленную подготовку германских агентов к захвату Берега Маклая. Стремясь предотвратить этот захват, Миклухо-Маклай в письмах к Александру III и вел. князю Алексею Александровичу просил русское правительство признать самостоятельность Берега Маклая под верховным покровительством России.

На случай отказа он обратился к министру иностранных дел Гирсу с предложением провозгласить самостоятельность Берега Маклая под европейским (международным) протекторатом. Он не жалел своих сил и без устали писал одно письмо за другим «*сильным мира сего*».

В письме Гирсу от 25 января 1885 г. Николай Николаевич объясняет, почему он прежде всего обращается к России. «Я это делаю не только потому что я русский, но также вследствие того факта, что дей-

³⁴ «Новости и Биржевая газета», 1884, 22 мая.

³⁵ АВГПР. Политический департамент, 1—5, IX/4, 86, л. 30.

³⁶ ААН, ф. 143, оп. 1, № 20.

ствительно *Россия имеет перед всеми другими государствами неоспоримо более ясное право* на эту часть берега Новой Гвинеи...»³⁷

31 октября 1884 г. Гирс предложил управляющему морским министерством Шестакову высказать свое мнение о просьбе Миклухо-Маклая. Гирс напомнил Шестакову, что в 1875 г. подобное предложение путешественника было отклонено. Вскоре Гирс получил отрицательный ответ Шестакова, который вполне соответствовал его собственному мнению. Шестаков «не видел никакой пользы от водружения русского флага в отдаленных местностях...», кроме того, он вообще сомневался «в стойкости предположений и намерений г. Миклухо-Маклая». Гирс составил по поводу предложений Николая Николаевича доклад, излагавший дело «в смысле отклонения предъявленных им домогательств». Но Александр III не согласился с этим. Он передал Гирсу новые письма путешественника и попросил вторично рассмотреть этот вопрос.

15 декабря 1884 г. германский посол Швейниц известил русское правительство «о принятии под покровительство германского императора части северного берега Новой Гвинеи», в том числе и Берега Маклая.

18 декабря Александру III был представлен новый доклад министерства иностранных дел, написанный, вероятно, директором департамента внутренних сношений Ф. Р. Остен-Сакеном, хорошо знавшим Николая Николаевича по Географическому обществу.

На основании официальных изданий германского правительства и других материалов в докладе довольно верно описывалось положение на Тихом океане и борьба между Англией и Германией за источники сырья, рынки сбыта и рабочую силу. При этом обращалось внимание на «поразительные» успехи немцев, вытеснявших англичан, точнее, австралийцев. А австралийцы, имевшие «еще довольно дела у себя дома», старались «оберечь себя от опасного соседства».

«Таким образом, — подчеркивалось в докладе, — немцы являются в роли *эксплуататоров*, англичане — на этот раз скорее в роли *охранителей* туземцев». Даже из чтения официальных берлинских изданий можно было узнать, каковы «неприглядные местные порядки, на которых основано благосостояние пришельцев-европейцев». Самым «знаменательным явлением» автор доклада считал «возрастающий спрос на работников», «скрытую торговлю людьми», так как «пришельцы-европейцы» на опыте убедились, что «туземец делается способным к работе только, если он оторван от родного острова». Требование человеколюбия, выдвигавшееся австралийскими филантропами, удачно совпадало «с их политическими взглядами: мешать развитию германских плантаций» на тихоокеанских островах.

Министр иностранных дел Гирс не мог в этом докладе не сказать о героической борьбе русского путешественника. «Одушевленный благородным стремлением, — писал он, — на пользу и благо дикарей Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай давно уже взывает об ограждении их от тлетворного влияния европейской культуры, а в частности от вторжения в их дела промышленников и торговцев, быстро размножающихся по всем океанским островам».

Однако он считал задачу Миклухо-Маклая неосуществимой, и новые «европейские порядки», по его мнению, должны были сменить «первобытные условия» жизни туземцев. Судьбу папуасов он считал уже «решенной», и вмешательство России «в видах ограждения» папуасов от вербовки на плантации тоже, по его мнению, нельзя было «признать полезным и целесообразным».

³⁷ Цит. по: ИВГО, 1946, № 5—6, стр. 566.

Вместе с этим Гирс считал, что территориальные захваты, делаемые европейскими державами на Тихом океане, заслуживали внимания русского правительства, и поэтому он «испрашивал» у Александра III разрешения на проведение ряда мероприятий в этом плане. Гирс рекомендовал, «не объявляя Миклухо-Маклаю о намерениях правительства, поддерживать с ним сношения в виду возможной пользы от знакомства его с краем»³⁸.

Николай Николаевич узнал о захвате Германией Берега Маклая только 9 января 1885 г. и в тот же день послал свой знаменитый протест Бисмарку: «Туземцы Берега Маклая, отвергают германскую аннексию».

Сохранившаяся в архивах переписка между Гирсом и Шестаковым дает возможность выяснить их «откровенное мнение» по поводу предложений русского путешественника. Шестаков в феврале 1885 г. писал, что он «не мог постичь привыкшим к дисциплине соображением поступки г. Миклухо-Маклая», заставившие его одновременно писать от своего имени Бисмарку, Александру III, Гирсу и другим.

«Но, принимая во внимание, — писал далее Шестаков, — лихорадку, обуявшую все европейские государства, зная из истории, что нередко не совсем вменяемые люди самою невменяемостью своею приносят пользу отечеству, и допуская, что никто не может предвидеть будущее, я полагал бы, пользуясь обстоятельствами, сделать попытку удовлетворить г. Миклуху».

Шестаков считал наиболее целесообразным дать путешественнику «платоническое» покровительство, которое не могло бы послужить «во вред». Причем при благоприятных условиях Шестаков рассчитывал «выгодно отказаться от царства г. Маклая в обмен на приобретение более для нас близкое и более нужное»³⁹.

2 января 1885 г. Шестаков сообщил Миклухо-Маклаю, что в сношениях с правительствами иностранных государств было упомянуто о его путешествии на Новую Гвинею «с целью указать на те права, которые Вы могли приобрести на берегу Маклая и которые должны быть приняты во внимание при обсуждении вопросов о территориальных приобретениях».

В августе 1885 г. германское правительство запросило министерство иностранных дел России о личности путешественника, о его стремлениях и целях, которые он преследует, и интересах, которые он защищает. Вместе с этим германское правительство сообщало, что оно затрудняется удовлетворить желание русского правительства, ввиду того что будто бы это желание было заявлено уже после выдачи грамоты германской Ново-Гвинейской компании.

В ответ на запрос германского правительства министерство иностранных дел России сообщило, что русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай «задался благородной целью осчастливить несколько десятков тысяч людей, устроив такое положение вещей, при котором бы жизнь, свобода и права туземцев были бы уважаемы, вместе с тем дать им возможность подняться постепенно на более высокую ступень цивилизации. Миклухо-Маклай во время своей долголетней деятельности в этих странах, происходившей открытым образом, преследовал постоянно интересы общечеловеческие, а не частные и отнюдь не английские»⁴⁰.

³⁸ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 78—81.

³⁹ Там же, л. 94—95.

⁴⁰ Цит. по: ИВГО, 1946, 5—6, стр. 563.

В письме от 18 мая 1886 г. Гирсу русский путешественник перечислял факты, доказывающие права России на Берег Маклая.

«Во-первых, — писал он, — высадка моя на Берег Маклая, специально избранный мной как незанятый никакой из европейских держав, произошла в сентябре 1871 г., т. е. на 13 лет перед прибытием в ту местность германского парохода „Самоа“.

Во-вторых: русский флаг был водружен матросами русского военного судна, корвета „Витязь“, около моей хижины, построенной теми же матросами.

В-третьих: мои неоднократные пребывания на Берегу Маклая в 1871—1872, 1876—1877 и 1883 годах (что в общей сложности составляет более четырех лет) с целью научного исследования имели в виду окончательное со временем там поселение.

В-четвертых: мои дружеские отношения к туземцам, привоз и распространение между ними множества полезных растений, домашних животных, полезных для них орудий и инструментов (все это в виде подарков, а не как предметы для обмена ради собственной пользы).

В-пятых: часто повторенная туземцами настоятельная просьба, чтобы я позаботился о предохранении их от зол при столкновении с белыми»⁴¹.

В июле 1886 г. русское правительство повторно снеслось с германским относительно прав Миклухо-Маклая на берег его имени, но германское правительство сослалось на отсутствие у него достаточных сведений, а равно каких-либо «доказательств» на права русского путешественника.

Весной 1886 г. Николай Николаевич вернулся на родину. В апреле он был в Крыму, посетил Ливадию, где встречался с Александром III. В письме брату от 7 мая он писал, что ему «удалось устроить отчасти, что хотел или зачем приехал в Ливадию, но далеко не все. Может быть, улажу все остальное в С.-Петербурге и Берлине (касательно Берега Маклая)».

10 июня Миклухо-Маклай приехал в Петербург и сразу сообщил Гирсу, что Александр III дал согласие «поднять русский флаг на некоторых, еще незанятых другими державами островах Тихого океана»⁴². Он просил Гирса выдать ему соответствующий документ по поводу этого «высочайшего соизволения».

Через несколько дней в газете «Новости и Биржевая газета» была помещена следующая заметка: «Очевидно, дела нашего путешественника Миклухи-Маклая в Новой Гвинее идут не дурно. Он не только сам окончательно поселился там, но и приглашает желающих поселиться и заняться какой-нибудь деятельностью на Берегу Маклая в Новой Гвинее или на некоторых других островах Тихого океана. Обращаться к нему письменно по адресу: Русское географическое общество в С.-Петербурге, или лично в дни и часы, о которых можно узнать в географическом обществе»⁴³.

26 июня в письме, опубликованном в «Новом времени», Николай Николаевич писал, что сделанный им «вызов лиц», желающих поселиться на Берегу Маклая, «дал результат неожиданный». Он получил уже 160 заявлений. На следующий день он сообщил Гирсу, что число желающих переселиться на острова Тихого океана дошло до 200, «письменные заявления, — писал он, — продолжают поступать все еще

⁴¹ Там же, стр. 572—573.

⁴² АВПР, Политический департамент, 1—5, IX/4 86, 2-я папка, л. 6—7.

⁴³ «Новости и Биржевая газета», 1886, 15 июня.

с разных концов России». В связи с этим Миклухо-Маклай просил разрешение не только на поднятие русского флага, но и на основание колонии на Берегу Маклая или на одном из островов Тихого океана.

29 июня «Новости и Биржевая газета» сообщила, что число желающих переселиться на Новую Гвинею достигло 240 и на временной квартире путешественника уже состоялось два заседания⁴⁴.

Не получая от Гирса ответа на свои письма, Миклухо-Маклай 1 июля 1886 г. подал прошение Александру III разрешить ему основать на Берегу Маклая русскую колонию.

В тот же день в газете «Новости и Биржевая газета» была опубликована статья В. И. Модестова «В добрый час». То, что Миклухо-Маклай «считал возможным для нескольких лиц, лишь для людей выходящих из ряда вон по своей смелости, — писал Модестов, — является желанием сотен, за которыми могут последовать и тысячи. Значит, в России отважных людей непочатый край». Успех обращения Миклухо-Маклая он объяснял наличием в России большого количества людей, «недовольных своим положением в отечестве» и считавших себя угнетенными, а также желанием создать в новой колонии нечто вроде коммуны папуасов или фаланстера Фурье.

5 июля в этой же газете было опубликовано письмо путешественника, в котором он извещал, что не может отвечать всем своим корреспондентам, так как число их уже превысило 300. Он обещал в ближайшее время разработать план и условия русской колонизации на тихоокеанских островах и через газеты довести до сведения всех. Николай Николаевич действительно составил «Наброски правил для желающих поселиться на островах Тихого океана» и «Памятную записку по вопросу об организации Русского тихоокеанского товарищества». В первой записке Миклухо-Маклай писал, что в новой колонии «вознаграждение за труд будет соответствовать работе», а прибыль от эксплуатации островов будет делиться между участниками «соответственно их положению и труду». Русский путешественник хотел организовать колонию на островах Тихого океана на демократических началах, без капиталистической эксплуатации и колониального грабежа местного населения.

На собраниях, происходивших на квартире у Миклухо-Маклая, обсуждались вопросы, вызвавшие беспокойство полиции, которая запросила министерство иностранных дел, действительно ли путешественник получил разрешение основать русскую колонию на Тихом океане.

Гирс срочно поручил Остен-Сакену составить доклад по поводу предложения Миклухо-Маклая. Согласно докладу, утвержденному Александром III, было признано необходимым «истребовать предварительно от Миклухо-Маклая относительно его колонизационных предположений» ответы на следующие вопросы: «1. Какой именно остров в Тихом океане он имеет в виду для устройства русской колонии? 2. Есть ли на этом острове жители и если есть, то в какие сделки он думает войти с ними относительно поземельной собственности? 3. Какие имеются у него денежные средства для осуществления предприятия? 4. Какие имеются у него ручательства в том, что русские поселенцы найдут средства к пропитанию себя в виду невозможности для белого заниматься под тропиками полевыми работами? 5. Какое сообщение предполагается установить между колонию и ближайшим (из более значительных) населенным европейским пунктом? 6. Какое внутреннее устройство предполагается дать колонии?»⁴⁵.

⁴⁴ «Новости и Биржевая газета», 1886, 29 июня.

⁴⁵ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 137.

9 августа 1886 г. Миклухо-Маклай изложил свои взгляды по поводу основания русской колонии на Тихом океане. Колония образуется на островах Тихого океана, не находящихся «во владении какой-либо иностранной державы, на землях *вполне свободных*, т. е. не занятых местными жителями или добровольно уступленных последними». Таким образом, никаких «сделок», т. е. экспроприации земли у туземцев, Миклухо-Маклай не собирался производить.

Что касается переселенцев, то они могли пользоваться землей на «основании установленного ими с общего согласия порядка». «...Сохраняя все права русских граждан», переселенцы получали дополнительные права: «самоуправления, самооблагания налогами на колониальные нужды, религиозной свободы, беспшлинного ввоза и вывоза продуктов и торговли этими продуктами во всех русских портах на общем основании, составления и введения обязательных постановлений и правил, касающихся общежития, внутреннего управления и распорядка дел...»

«Колония составляет общину и управляется: старшиною, советом и общим собранием поселенцев — сходом». На ближайшее время, как учредитель колонии, «знакомый с местными условиями и обычаями», Миклухо-Маклай принимал должность старшины на себя⁴⁶.

Для рассмотрения проекта путешественника был учрежден особый комитет под председательством министра иностранных дел Гирса в следующем составе: товарищ министра иностранных дел А. Влангали, тайный советник А. Жомини, тайный советник И. Зиновьев, представитель министерства финансов Д. Кобеко, представитель военного министерства генерал-лейтенант М. Миркович, представитель министерства внутренних дел Т. Тройницкий, представитель морского министерства контр-адмирал П. Тыртов, тайный советник Ф. Мартенс и директор одного из департаментов министерства иностранных дел Ф. Остен-Сакен.

Заседание комитета состоялось 9 декабря 1886 г. Предварительно членам комитета были разосланы письма путешественника от 1 июля и 9 августа 1886 г. и докладная записка Гирса. Гирс предложил на рассмотрение комитета 13 вопросов, после чего было приступлено к принятым.

Представитель министерства финансов Кобеко заявил, что успех предприятия Миклухо-Маклая является сомнительным, «вследствие той формы самоуправления, которую предлагает дать колонии ее учредитель». Далее Кобеко указал, что «правительству нашему необходимо иметь самые точные сведения о личностях будущих колонистов и о средствах, которыми они располагают...». Он считал, что «проектируемую колонию невозможно будет оставить не только без правительственного надзора, но и без назначения начальником ее правительственного лица».

Представитель министерства внутренних дел Тройницкий поддержал Кобеко. Он считал, что в России нет «надежных элементов для эмиграции в колонию, находящиеся в далеком расстоянии от России». «Если же и найдутся лица, — сказал он, — согласные следовать за Миклухо-Маклаем, то это будут, несомненно, в большинстве случаев люди без всяких определенных занятий и средств...»

После того как все члены комитета единодушно отвергли предложение путешественника, они вызвали его в зал заседаний и задали ряд вопросов: «...К какому сословию принадлежат лица, заявившие желание

⁴⁶ Там же, л. 117—118.

поселиться в новой колонии? Какою суммою должен располагать каждый переселенец? Какими средствами предполагается охранять остров и защищать колонию от нападения?» — и другие.

Миклухо-Маклай отказался сообщить название островов, на которых хотел основать русскую колонию. Он только указал, что они расположены между 1 и 10° северной широты, более в восточной части Тихого океана. Отвечая на вопрос о состоятельности переселенцев, Миклухо-Маклай сказал, что «если даже один процент из вызвавшихся следовать за ним будет обладать достаточными средствами и энергией, то успех предприятия обеспечен». Он сообщил, что получил уже более 1500 заявлений от представителей различных сословий.

Что касается проблемы защиты острова, то, по мнению Миклухо-Маклая, она не вызовет трудностей. «Переселенцы, оставаясь русскими подданными, должны подчиняться закону о всеобщей воинской повинности, и в случае нужды все население колонии поголовно восстанет для отражения неприятеля. Офицеры, в которых недостатка не будет, организуют охрану. Впрочем, в последней едва ли представится надобность».

Миклухо-Маклай заявил, что ему трудно заранее определить, «какого рода будут занятия переселенцев... Однако не может быть места опасению, чтобы в колонии возникло невольничество, так как достаточным ручательством в этом отношении служит его, Миклухо-Маклая, имя». Он не считал «полезным связывать себя и других переселенцев образованием торговой компании»⁴⁷.

После этого путешественнику было задано еще несколько вопросов: об отношении колонии к русскому правительству и к членам колонии. «При этом имелось в виду, — записано в протоколе, — выяснить, в какой мере колония примет на себя контроль над той суммою, которая, по объяснению Миклухо-Маклая, представляется необходимою для успеха колонизации, а также на каких основаниях будет производиться колонистам отвод земельных участков»⁴⁸.

По поводу первого вопроса Николай Николаевич заявил, что «он полагает возможным основание и преуспевание колонии только при условии вполне независимого самоуправления». А вопрос «о контроле над капиталами, принадлежащими переселенцам, — отмечено в протоколе, — Миклухо-Маклай оставил без надлежащего выяснения».

Когда путешественник покинул зал заседаний, комитет приступил к рассмотрению его письма от 28 сентября 1886 г. После обмена мнениями все присутствующие решили, что острова, находящиеся на месте, указанном Миклухо-Маклаем, «не могут представлять выгод для России ни в торговом, ни в военно-морском отношении». И вообще «сообщенные им сведения о характере и занятиях населения, управлении и т. д. в предполагаемой колонии мало внушают доверия к возможности ее успеха как частного предприятия». Поэтому «занятие одного или нескольких островов в Тихом океане с целью основать там колонию не представляется желательным...»⁴⁹.

В одном из своих писем, написанных после заседания, Николай Николаевич сообщал, что Александр III не подписал решения особого комитета, а передал его на вторичное рассмотрение непосредственно министрам. Однако Миклухо-Маклай не утешал себя надеждой на положительное разрешение этого вопроса, наоборот, был готов к полному

⁴⁷ Там же, л. 144—146.

⁴⁸ Там же, л. 147.

⁴⁹ Там же, л. 149.

отказу. Но «никакое решение комиссии, ни даже высочайший отказ, — писал он, — не повлияют на мое решение поселиться на острове Тихого океана, хотя и изменят образ осуществления моих планов»⁵⁰.

Пока министры обсуждали предложение Миклухо-Маклая, он продолжал беспрерывно получать письма от представителей самых различных слоев с просьбами о переселении на Новую Гвинею или какой-нибудь другой остров Тихого океана.

А. С. Смоличев — чтец А. С. Данилевского — писал 16 октября 1886 г.: «Уже два года назад я услышал о Вас как о знаменитом путешественнике и восторгался Вами. У меня тогда же зародилась мысль и явилось желание путешествовать вместе с Вами, переносить все трудности и лишения на пользу человечеству, но эти мечты я считал несбыточными. Теперь же, узнав, что Вы приглашаете ехать с Вами, кто пожелает, на австралийский остров, на котором Вы прожили долгое время, для образования там русской колонии, я спешу заявить Вам о моем ревностном желании следовать за Вами и быть полезным в начинаемом Вами великом деле. При этом осмеливаюсь присовокупить, что я употреблю все силы и старания быть полезным и что во мне Вы найдете человека, идея которого быть честным, полезным человеком. Если Вы нуждаетесь в таких людях, то я весь к Вашим услугам. Только вот беда — я беден... Мне 19 лет; наступает пора выступить на сцену человеческой деятельности и быть полезным членом общества»⁵¹.

Некоторые лица адресовали свои письма непосредственно министру иностранных дел Гирсу. Так, например, служащий Кунгурского земства Новоселов писал 22 ноября 1886 г., что он хотел бы переселиться на Берег Маклая и «быть в числе первых пионеров страны, своим личным трудом и знанием содействовать успеху великого дела...»

18 декабря 1886 г. Гирс официально сообщил Миклухо-Маклаю об отказе. Заключение его было одобрено министром внутренних дел, морским министром, министром финансов и военным министром. На другой день Гирс довел до сведения Шестакова, что Александр III на его докладной записке написал нижеследующее: «считать это дело окончательно конченным, Миклухо-Маклаю отказать»⁵².

Несмотря на отказ, Миклухо-Маклай заявил, что он не переменял своего намерения поселиться на одном из островов Тихого океана на постоянное жительство. «Имея на то высочайшее соизволение и *будучи русским*, я не желал бы поднять на этом незанятом пока острове какой-либо другой флаг как русский, что ни в коем случае не „может повлечь за собою дорогостоящих мероприятий“ со стороны русского правительства»⁵³.

В феврале 1887 г. великий русский путешественник просил все столичные и провинциальные газеты опубликовать следующее сообщение: «Согласно моему обещанию и ввиду того, что я все еще продолжаю получать письма и телеграммы от желающих переселиться на острова Тихого океана, число этих желающих значительно превышает 2000, я должен заявить, что основание русской колонии в Тихом океане пока состояться не может по обстоятельствам, от меня совершенно не зависящим»⁵⁴.

4 марта 1887 г. в письме брату Сергею Миклухо-Маклай писал: «В деле относительно Берега Маклая я потерпел полное *фиаско*. По-

⁵⁰ ААН, ф. 143, оп. 1, № 21, л. 9.

⁵¹ ААН, ф. 143, оп. 1, № 21.

⁵² ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, № 2185, л. 152.

⁵³ ААН, ф. 143, оп. 1, № 21.

⁵⁴ ААН, ф. 143, оп. 1, № 39, л. 22.

добным же фиаско закончился поднятый мной вопрос об основании русской колонии на островах Тихого океана, хотя государь был, кажется (?), не прочь, но гг. министры решили иначе и в конце концов одо- лели»⁵⁵.

Через год после написания этого письма Н. Н. Миклухо-Маклай скончался от болезней, полученных во время путешествий, на сорок втором году жизни...

Нам не хочется ничего добавлять к изложенным фактам. Все дей- ствующие лица и без того выявили свои позиции собственными сло- вами. Все это дело с проектом Миклухо-Маклая представляется как бы нарочито придуманным каким-то талантливым беллетристом с целью изобличить перед читателем суть внешней политики правительств «вели- ких держав». Действительность, как это нередко бывает, оказалась сильнее всякого художественного вымысла.

Нет нужды добавлять к изложению фактов какие-либо комментарии. И без них ясно, что «были времена, теперь другие». В наши времена империализм с его каннибальским отношением к отсталым расам и на- родам изобличен до конца. В этом есть известная заслуга и выдающего- ся русского гуманиста Н. Н. Миклухо-Маклая, хотя многие его взгляды представляются сегодня утопическими, а действия — наивными. Мы глубоко чтим память человека, выступившего в условиях царской Рос- сии в защиту народов, «виновных лишь в том, что у них кожа не белая и что они слабы».

⁵⁵ ААН, ф. 143, оп. 1, № 45, л. 30.